

Марина Костенецкая

К 20-летию легендарного Пленума творческих союзов Латвии

Сергей Мазур:

1 и 2 июня 1988 года в Риге проходил расширенный Пленум творческих союзов Латвии. Вы были участником этого исторического пленума, с которого принято считать начало Третьей Атмоды, третьего пробуждения латышского народа.

На пленуме вы были единственным выступившем русским писателем. О чем вы говорили тогда, что было для вас значимым в 1988 г.?

Марина Костенецкая:

В этом году исполнилось 20 лет со дня легендарного Пленума творческих союзов Латвии, который организовал Янис Петерс и на котором прозвучали слова о пакте Риббентропа-Молотова из уст Вульфсона. Я тоже выступала на том пленуме. Кстати, была единственным выступившим русским писателем, хотя в зале русских писателей присутствовало немало – и поэтов, и прозаиков, и переводчиков. Из русских там выступила еще только журналистка Ирина Литвинова, но она была членом Союза журналистов, а пленум организовывал Союз писателей, соответственно и главная ответственность за все происходящее ложилась на нас, писателей. На пленум я шла как на очередное рутинное мероприятие, не подозревая, участником каких исторических событий там стану. Всевозможные собрания у нас проходили часто. Ну, ладно, на этот раз зал выбран побольше (Дом политпросвещения ЦК КП Латвии), но это наверняка связано с тем, что *мозги промывать* будут членам сразу всех творческих союзов – и писателям, и художникам, и композиторам, и архитекторам... Думала, что будут рассматривать очередные постановления партии и правительства. Прихожу, сажусь, и вдруг... с трибуны несутся такие крамольные речи, что кажется, всех нас скопом арестуют на выходе из этого зала! Только 20 лет спустя я узнаю от Петерса, почему именно в тот момент он организовал этот пленум. Чутье поэту-бунтарю подсказало: вчера еще было рано, завтра будет уже поздно. *Вчера* это были студенческие волнения в Алма-Ате, жестоко подавленные расстрелами, *завтра* это будут волнения в Вильнюсе 1991 года, когда под гусеницами танков погибли мирные демонстранты. Ну, а сейчас на дворе начало июня 1988 года, в СССР объявлена гласность и перестройка. Первый секретарь ЦК КПСС Михаил Горбачев и по возрасту, и по лозунгам резко отличается от своих предшественников, секретарем ЦК по идеологии назначен опальный дипломат Александр Яковлев.

Напоминаю, что Горбачев сделал в начале своей политической карьеры – он вернул из разных ссылок троих академиков, способных оказывать серьезное

влияние и на политические процессы в верхах, и на общественное сознание масс. Академика Яковлева, посла СССР, вернули в Москву из Канады, академика Сахарова – из заточения под домашним арестом в режимном городе Горьком. И, наконец, Солженицын ворвался на полки книжных магазинов своей запрещенной эпопеей «Архипелаг ГУЛАГ». Правда, физически сам Солженицын вернулся в Россию уже во времена Ельцина, но запрет на его книги был отменен во времена гласности.

Именно этот момент Петерс и считает очень подходящим для начала выступления интеллигенции с революционных позиций. Будучи председателем Союза писателей Латвии, Янис Петерс готовит этот пленум, как выясняется через 20 лет, в конспиративной обстановке. То есть те латышские писатели, которые выступают с трибуны, в планы Петерса посвящены, они все свои речи написали заранее, обдумывая каждое слово, чтобы и в ГУЛАГ не зареветь, и сказать вслух то, чего не говорили 50 лет. Были в эти два дня на трибуне помимо писателей и врачи, и председатели колхозов, и строители. То есть в каждой сфере – экономики, социального обеспечения, науки – свои ораторы. И все *несут*, без оглядки *несут*, ну такая храбрость, такая смелость! И вдруг я ощущаю, что все это идет не столько против тоталитарного режима, против которого я тоже всеми фибрами души восстаю... Да, я уже в самиздате читала Солженицына и не только его, я многое знаю, понимаю, имею контакты с российскими диссидентами и с российскими писателями. И вот вдруг я чувствую, что обстановка накаляется и в том, что все это несется не просто против тоталитарного режима, а уже против русских как нации. Во всем, оказывается, виноваты русские. Ни Советский Союз, ни Коммунистическая партия, ни красные латышские стрелки, которые способствовали установлению тоталитарной власти в России, а именно русские! Меня заедает. Я сижу, слушаю до конца весь первый день. На завтра, 2 июня, намечено продолжение пленума. Ну, думаю, это будет чудо, если сегодня я буду ночевать еще дома. Потому что ощущение такое, что прямо у Дома политпросвещения на выходе нас будут ждать милициские машины, и дальше – товарные вагоны по маршруту Рига-ГУЛАГ. Прямым ходом, не заезжая домой, просто сразу в ГУЛАГ. Но вот первый день пленума закончился, я вышла из Дома политпросвещения, спокойно села на троллейбус, приехала домой... Никто никого не хватает, не арестовывает. Дома села к письменному столу и за ночь написала речь. Все речи потом были опубликованы в Канаде. Забегая вперед, скажу, что тогда в латышских либеральных газетах в первую очередь были напечатаны три речи: Маврика Вульфсона, Зигмунда Скуиня и

Марины Костенецкой. Это из 70 прозвучавших на пленуме речей. Свою незапланированную первоначально режиссерами пленума речь я произнесла с трибуны 2 июня. Начинаясь она словами: «Мне больно. Мне больно за судьбы латышского народа, мне больно за судьбы русского народа». И дальше я призывала понять, что произошло с Россией, сколько и русский народ страдал от сталинизма и как нам всем вместе нужно объединяться против исторического зла, а не друг против друга, что нужно помочь людям, которые были обмануты, помочь понять, что произошло в стране после октябрьского переворота, и что мы должны терпимо к ним относиться к тем, кто стал жертвами идеологического оболванивания.

Сейчас, спустя 20 лет, на пресс-конференции посвященной тому пленуму уже и сам Петерс признал, что Атмода, то бишь пробуждение, в Советском Союзе началась отнюдь не с Латвии. Мы были всего лишь законопослушной провинцией в этом процессе. Сам же процесс начинался в России и одновременно во многих республиках тогдашнего Советского Союза. Да, Латвия сумела выбрать в 1988 году момент, когда можно было начать говорить. Кстати, и тут нас обогнала Эстония – у соседей творческая интеллигенция выступила с протестными речами раньше. Но дальше вспомним, как Россия поддержала Латвию во время баррикад, вспомним, что на втором Съезде народных депутатов СССР было принято Постановление, объявляющее пакт Молотова-Риббентропа не имеющим юридической силы с момента его принятия. То есть за это Постановление проголосовали либеральные депутаты со всего Советского Союза, не только русские, не только россияне. Сейчас все это, конечно, благополучно забыто в Латвии. Но следует напоминать. И именно поэтому я согласилась выступить сейчас на конференции, которая будет проходить в Доме латышского общества 18 июля, с докладом. Выступать там будут в основном те же люди, что говорили с трибуны Дома политпросвещения ЦК КПЛ 20 лет назад. Вернее, те из нас, кто еще жив сегодня. Лично я хочу напомнить участникам конференции, что сделал Солженицын в 1967 году на Четвертом съезде Союза писателей СССР: открытое письмо съезду, ставшее бомбой для режима, который разделался с писателем уже по-новому – не повторный срок в ГУЛАГе, а лишение гражданства и насильственное выдворение с родины. Но в 1974 году тиражом в несколько миллионов выходит брошюра Солженицына «Жить не по лжи!». Каждый интеллигентный человек в СССР заучивал эту брошюру как молитву *Отче наш*. Там было написано (цитирую): «Пусть ложь все покрыла, пусть ложь всем владеет, но в одном самом малом упрямся – пусть владеет не через меня!» Пусть все аплодируют речи какого-то генсека, а я буду сидеть сложа руки на коленях и не буду аплодировать. Вот с чего начиналась всесоюзная Атмода, с пересмотра личной позиции каждого человека к прогнившему, изолгавшемуся режиму! Эта брошюра стала тем бензином, который полыхнул, и загасить пламя пробуждения по всей огромной стране было уже не под силу даже КГБ. Да, 1-го июня 1988 года Вульфсон вышел на трибуну и произнес слова об

оккупации Латвии Советским Союзом. Вульфсон, будучи политологом с большими связями в странах Запада, все это знал давно, но он знал и тот момент, когда правду можно было сказать вслух уже и в Советском Союзе. Кстати, сейчас, на этой пресс-конференции, посвященной 20-летию пленума, тот же Петерс сказал, мы сильно преувеличиваем роль Вульфсона, потому что на пленуме еще до Вульфсона об оккупации сказал Арнольд Клотиньш, секретарь Союза композиторов. Но Вульфсон театрализованно, с эффектными ссылками на исторические документы эту информацию повторил и тем самым сорвал себе в истории бурные аплодисменты общества. Да, конечно, это был гром среди ясного неба для непосвященных. Повторяю, я сидела с ощущением, что нас всех сейчас арестуют – одних за то, что говорили, других за то, что с одобрением слушали. Но мой протест заключался в том, что я тогда вступилась за русских. В зале было много русских писателей, однако все промолчали. Историю вспять не повернешь, там моя речь запечатлена, ее нетрудно найти и убедиться, что я тогда говорила. Я не говорила, давайте всех русских выгоним из Латвии и заживем дружно, а сама я теперь стану для удобства латышкой. Ну, не говорила я такого! Прекрасно помню, чем кончалась речь Вульфсона. Еврей Вульфсон тогда сказал залу по-латышски: «Спасибо, что я вместе с вами, спасибо, что мои внуки латыши!». Двадцать лет назад в зале Дома политпросвещения я выступала как русская, и русской же остаюсь по сей день. Хотя к латышам как к нации всегда относилась и сегодня отношусь с самым искренним уважением. Конечно, в семье не без урода – свои выродки есть в каждой нации (ни латыши, ни русские здесь не исключение), но лично я латышский народ знаю и, соответственно, оцениваю не только по тем его представителям, которые годами позируют перед телекамерами, зарабатывая себе политические очки через разжигание национальной розни.

Сергей Мазур:

То, что произошло, произошло не спонтанно. Творческая интеллигенция, писатели выступали с таких позиций не против власти, не против Советского Союза, а против определенной группы населения, которая живет в Латвии. Почему на пленуме, с которого началась Атмода, так ярко проявилась именно эта позиция?

Марина Костенецкая:

Тогда эта позиция так ярко еще не проявилась. Между *тогда* и *сейчас* лежит пропасть в двадцать лет сведения счетов представителей разных национальностей за взаимные исторические обиды. Но уже тогда – **да, я почувствовала приближение грозы**. Однако латышам нужно было пройти еще очень длинный путь до реального восстановления независимости. Когда многие русские (не будем преувеличивать – отнюдь не все!) проголосовали на референдуме за независимость Латвии, нужно было еще очень осторожно пройти путь по минному полю до восстановления этой вождельной независимости и де-факто, и де-юре. Двадцать лет назад на пленуме слово *русские* в понятии *враги* еще не произносилось открыто. Просто выступавшие говорили о трагических судьбах латышей, и ни слова при этом о

том, что русская интеллигенция в XX веке тоже была уничтожена под корень, что Россия от чудовищного большевистского режима страдала дольше, чем Латвия, что малочисленный латышский народ внес свою весьма весомую лепту в красный террор и в России, и в Белоруссии, и в Украине, не говоря уже о Холокосте во время Второй мировой войны! Тогда еще не был озвучен лозунг: *Иван – чемодан – вокзал*. Боязно было. Тут еще Советская армия, извиняюсь, стояла, и сам штаб Прибалтийского военного округа находился не в Таллине и не в Вильнюсе, а в верноподданной Риге. Так вот этот перекосяк в оценке исторической трагедии всех народов СССР (не только латышей!) тогда меня сильно задел. Можно ведь по всякому было сказать: например, как мы, латыши, страдали в Сибири и ни единым словом не вспомнить, как в той же Сибири во время войны простой русский человек делился последним куском хлеба, чтобы латышский ребенок не умер с голода. Было замалчивание всего хорошего и выпячивание всего плохого. Давайте оставим за скобками советскую пропаганду о том, что освободители принесли сюда культуру, построили заводы, подняли экономику... Это еще большой вопрос, что подняли, а что подмяли под себя – Латвия к началу 40-х годов была процветающей европейской страной, и смена политического режима, по сравнению с другими европейскими странами, действительно отбросила ее в развитии на пятьдесят лет назад (сравните нас сегодня с той же Финляндией, сумевшей отстоять свою независимость от СССР). Нет, не в глобальной экономике дело. А в том, что простому человеку не сказали спасибо. Что советского солдата, который отдал жизнь в борьбе с фашизмом, посмертно окрестили оккупантом, что забыли про хлеб, которым русские в Сибири делились. Я знаю латышей, которые сами мне рассказывали о своих русских спасителях в Сибири. Оставить русских один на один с трагической историей XX века, а самим предстать только невинными жертвами тоталитарного режима – это опасный крен для латышской нации. Как гласит мудрость Востока: если ты выстрелишь в прошлое из пистолета – будущее выстрелит в тебя из пушки. Наверное, и об этом я инстинктивно хотела предупредить латышей, когда сама по себе, без приглашения со стороны организаторов, возникла на трибуне пленума.

Сергей Мазур:

В учебниках истории пишут, что именно с этого Пленума начинается Третья Атмода. Поскольку так получилось, что в русском информационном пространстве тема Атмоды как-то невнятно представлена, о таких ключевых событиях в обществе сложилось туманное представление.

Какие идеи, мысли оправдывают это представление о том, что именно пленум открыл новую Атмоду.

Марина Костенецкая:

На пленуме, я повторяю, было 70 выступавших. То, что замалчивалось все эти годы, бесконечные съезды партии, пленумы и везде писали – бурные аплодисменты. То есть линия была едина – все общество колебалось с линией партии. Как партия велела, так и колебались. Начиная с того, какие продукты ели, кончая тем, какие песни пели. Всем руководит партия. Например, на

Празднике песни в Межапарке рядом с народными латышскими хорами вдруг появляется на эстраде Краснознаменный ансамбль песни в форме солдат советской армии и славит ту же партию. Ну, согласитесь, этническому латышу это не в кайф, мягко говоря...

Так вот, на Пленуме творческих союзов Латвии, повторяю, это был момент, когда политическая конъюнктура позволила его провести – одни танки уже загнали в ангары, другие из ангаров еще не вышли – все заговорили о наболевшем. Ведь 1988-й год это разгар перестройки! Бурлит вся страна! Вся страна уже на митингах, впервые за 70 лет советской властью официально разрешенных! И вот этот вал дошел до нашей законопослушной провинции. В СССР издаются книги Солженицына, во всех кинотеатрах страны идет разоблачающий культ Сталина фильм грузинского кинорежиссера Тенгиза Абуладзе «Покаяние», до этого несколько лет отлежавший на полках под запретом как очерняющий советскую действительность. Кстати, и фильм грузинского автора «Покаяние», и латышского кинорежиссера Юриса Подниекса «Легко ли быть молодым?» в большой прокат вышли только благодаря личному вмешательству секретаря ЦК КПСС по идеологии Александра Яковлева – человека, которого в мире уже тогда называли архитектором перестройки. Тоже знаковая фигура в истории. Ну, а в Латвии творческая интеллигенция сумела правильно уловить момент. Другое дело, что пленум был тщательно подготовлен, это все не было так спонтанно. Костенецкая вылезла на трибуну, да, спонтанно, но основной сценарий был срежиссирован Петерсом и его сподвижниками из окружения, которому латышские писатели доверяли. Я к этому кругу избранных и посвященных не относилась. Латышские же писатели вдруг заговорили не просто о том, пишется или не пишется, а о судьбах своего народа. То есть такого не было за все годы советской власти, когда вдруг заговорили по делу и приняли резолюцию пленума. Тогда же прозвучал призыв к созданию Народного фронта. Эту инициативу озвучил Виктор Авотыньш. Принятую резолюцию послали в ЦК партии Латвии, а Горбачеву написали отдельное письмо. Мы все подписали это письмо, не насильно, конечно, а те, кто хотел. Основной итоговый документ пленума – резолюцию – писали в ночь с первого на второе июня Янис Петерс в соавторстве с академиком Янисом Страдынем. Я в ту ночь дома писала свою речь, а они резолюцию пленума. Эта резолюция тоже стала бомбой. Она была направлена во все высшие партийные и правительственные инстанции. И эту резолюцию ни с кем не согласовывали! То есть такого еще не бывало в истории Советского Союза, чтобы писатели какую-то резолюцию принимали на своем сборище, и она не была бы согласована с идеологическим отделом ЦК! А тут все крамольные речи с трибуны говорились в присутствии самого высокого партийного руководства республики – в президиуме сидел и Пуго, и второй секретарь ЦК (московский назначенец) Соболев, и Горбунов... Все ЦК Латвии сидит за столом на сцене, а мы один за другим выходим на трибуну и говорим все, что хотим. Думаю, к такому повороту событий они не были готовы. Они слушали молча с каменными лицами, но расстрелять нас в зале

они не могли. Да, могли, наверное, вызвать милицию, но, спасибо, не вызвали. Они настолько растерялись, что даже не потребовали для ознакомления резолюцию, которую мы принесли. Сделали вид, что ничего не знали о ночном бдении редакторской группы. Мол, *нашей* резолюции на *вашей* резолюции нет, так что сделали вы это в обход ЦК, сами заварили кашу – сами в Кремле и расхлебывайте свое письмо Горбачеву! Как ни парадоксально, но, похоже, в тот раз секретари ЦК КП Латвии были осведомлены о том, что будет происходить на пленуме, не больше, чем беспартийная Костенецкая! То есть впервые звучали речи, которые не были нигде утверждены, предварительно проверены... Помню, ночью я написала свою речь, а утром иду на Пленум и думаю, кому показать, у кого получить разрешение? Знаю ведь, что иначе нельзя, а очень хочется выйти на трибуну. А мне вдруг в секретариате говорят: да показывать-то некому, иди и говори, что написала! Такое в моей жизни впервые случилось! Ведь одно дело когда я с друзьями на кухне критикую советскую власть, а совсем другое оказаться на трибуне, где позади тебя эта самая власть собственной персоной сидит! Но, еще раз повторяю, я там была не первой и не единственной – речи на пленуме звучали одна другой революционной.

Сергей Мазур:

Очень странная сама ситуация, когда постоянно съезды писателей проходили, доклады согласовывались, а тут вот сидел и Пуго и Горбунов, и они пропустили этот момент. То есть это было какое-то сознательное действие? Со стороны Пуго вряд ли можно было ждать такой сознательности.

Марина Костенецкая:

Я не знаю, поскольку никогда не была вхожа в круги осведомителей и стукачей. Знаю, что потом в Народном фронте было много засланных “казачков” из КГБ, но не думаю, что Пуго так уж совсем не знал, что будет происходить на пленуме. В деталях – да, не знал, конечно. Даже Петерс не знал, что именно и какими словами будет говорить Вульфсон. То, что речь Маврика будет сенсационной, это знали. Помню, что уже во время кофейной паузы в кулуарах говорили – после этого перерыва Вульфсон *взорвет бомбу*. Но что за *бомба* – никто толком не знал. То есть нас уже готовили к сенсации. Какая-то организованная утечка информации была. И все же когда сейчас говорят, что, якобы, сама идея о создании Народного фронта была спущена сверху, что все это готовил ЦК КПСС под бдительным надзором КГБ, я с этим никак не могу согласиться. Хотя бы потому, что сама никогда не была ни членом партии, ни тем более агентом КГБ. Фактор народной воли в конечном итоге все равно сыграл решающую роль в том повороте истории, на котором в 1991 году Советский Союз и рухнул. Другое дело, что авторы перестройки захотели как бы дать народу высказаться, чтобы измерить температуру недовольства населения. Народные фронты возникали в том или ином виде практически повсеместно – страну буквально захлестнули многотысячные митинги от Прибалтики до Москвы, от Москвы да Алтая, Свердловска, Новосибирска... Это была перестройка в действии. Верхи хотели посмотреть, что будет, если дать народу высказаться? Ведь семьде-

сят лет продержали свободомыслие в наморднике, на коротком поводке. Как образно сказал сам Горбачев, политбюро решило приподнять крышку над котлом, в котором варилась идеология. Ну, а как только эту крышку приподняли – оттуда такое в нос шибануло!... Словом, обратно приладить крышку уже не удалось. То есть я допускаю, что в 1988 году Пуго было разрешено не вмешиваться в ход нашего ленума. Это было разрешено с самого верха, чтобы измерить температуру народного недовольства. Сунули термометр, а там зашкаливает! Ладно, потом проанализируем и будем решать, что с этим делать. Пусть сначала выявятся лидеры, пусть продемонстрируют, до какой черты они не боятся идти, сколько народа за ними последует – а там и меры пресечения соответственные применим. Возможно, было такое задание. А когда рвануло – оказалось уже поздно, джинн из бутылки вылетел, и обратно его загнать не смогли ни танки, ни ОМОН.

Сергей Мазур:

Вы в интервью говорили, что в России диссиденты отличаются от диссидентов за рубежом тем, что диссиденты за рубежом говорят другое, нечто новое, неизвестное обществу. А в России говорят то, о чем потихонечку шепчутся на кухне. В этом смысле то, что было на пленуме писателей, это были общеизвестные вещи?

Марина Костенецкая:

Да, это были общеизвестные вещи, это то, что мы все на кухне обговаривали. Кроме, пожалуй, того, что сказал Вульфсон. Быть может, кто-то из историков знал и то, о чем с трибуны тогда сказал Вульфсон, но это только в очень узких кругах. О депортациях, например, я уже знала давно, потому что общалась и с либеральной латышской интеллигенцией, и с вернувшимися из Сибири сельчанами. А вот про тайные протоколы к пакту Молотова-Риббентропа на пленуме узнала впервые. То есть были какие-то моменты, о которых не только я, но и большинство из сидящих в зале раньше не знали. То, что 17 июня пришли танки в Латвию, это знали все. «Мы целовали эти танки, но мы ошиблись», – примерно такие речи звучали теперь с трибуны. То есть какие-то факты истории были давно известны, но они подавались под другим соусом.

Сергей Мазур:

Говорили на Пленуме писателей о литературе или область совершенно не обсуждалась?

Марина Костенецкая:

Ой, сейчас нужно просто поднять эти речи. Литература сама по себе была очень революционна. Вы знаете, я помню стихи Имманта Аузиньша. В чем заключался симбиоз между русскими и латышами? Латыши здесь боялись издавать своих латышских поэтов-диссидентов, а прогрессивные русские переводчики в сотрудничестве с прогрессивными московскими редакторами издавали книги этих поэтов в издательстве «Художественная литература». Московский цензор не знает, что это запрещенные в Латвии стихи. И книги того же Чака латыши раскупают на русском языке и читают со слезами на глазах. Вот такая была подпольная дружба народов. В отличие от той, официальной, согласно которой латышские дети танцевали в русских народных

костюмах *калинку*, а русские, соответственно, *кур ту теци*... Да взять хотя бы стихи Имманта Аузиня! Помню, что перевела его Лидия Жданова: «Люди мы. Народ. Страна. Есть у нас свои права. Так ломают троны! ». Такие стихи в переводе русского поэта вышли в Москве, в Риге они выйти просто не могли! Вот вам и все, если говорить о взаимоотношениях русских и латышских писателей в то время. Говорили ли мы о литературе? Эти строчки Аузиня и есть эпиграф к нашему пленуму. Тот же Андрей Вознесенский переводил Мариса Чаклайса, а Чаклайс переводил на латышский Вознесенского. Я очень люблю стихи Чаклайса. В переводе Вознесенского по всему Советскому Союзу разошлись в свое время мудрые слова этого латышского поэта: «Я богат, я владею казной. В ней все то, что случилось со мной». Для меня они очень актуальны и сегодня. Так что в годы перестройки у латышских писателей была связь с творческой интеллигенцией России, причем очень тесная и плодотворная связь.

Сергей Мазур: Сколько было пленумов писателей, один или два?

Марина Костенецкая:

Два, потом еще был в марте 1989 года. Я на нем уже не присутствовала, потому что в это время у меня была предвыборная кампания по выборам народных депутатов СССР, со всеми прелестями травли и бесконечными встречами с избирателями. Поэтому на втором пленуме я физически не была, но позже узнала от того же Яниса Петерса, что на первый Пленум организаторы приглашали академика Андрея Сахарова и его жену Елену Боннер, но те, к сожалению, не смогли приехать. А вот на второй пленум в Ригу приехал и выступил с речью известный московский демократ, православный священник Глеб Якунин. С Глебом Якуниным я была лично знакома, потому что потом он был народным депутатом СССР. Знаю, что в августе 1991 года, когда у Белого дома москвичи возводили баррикады, по образцу наших январских, народный депутат и православный священник крестил коммунистов, которые сжигали в костре свои партбилеты. Это было в ночь с 20-го на 21-ое августа, когда защитники Белого дома ждали штурм «Альфы» и принимали крещение, потому что эта ночь могла стать последней в их жизни.

Сергей Мазур:

Материалы второго пленума были опубликованы?

Марина Костенецкая:

Наверное, были опубликованы, но многие участники говорят: «Мы забыли, что был второй пленум». Уже к этому времени состоялся съезд Народного фронта, уже все бурлит, уже выборы депутатов СССР идут. То есть этот пленум был на втором, третьем, четвертом плане. А дальше – Первый съезд народных депутатов, он открылся 25 мая 1989 года.

Сергей Мазур:

После второго пленума были еще съезды писателей? То есть возможность творческой интеллигенции, писателей собираться вместе и проводить пленумы?

Марина Костенецкая:

Тогда это было так слитно. Штаб Народного фронта

располагался в особняке Беньяминов на улице Кришьяна Барона, 12, в помещениях Союза художников на третьем этаже. На втором этаже этого же здания Союз писателей, там тоже вовсю кипела деятельность Народного фронта. Да и в Союзе композиторов (другое крыло третьего этажа) активисты собирались... Все смешалось в доме бывших миллионеров и газетных магнатов Беньяминов. Там была старинная деревянная лестница и временами казалось, что она рухнет под наплывом посетителей – люди шли непрерывным потоком, не было больше отдельно творческой интеллигенции и отдельно народа. Все были вместе. В основном сюда, конечно, приходили латыши, чтобы пожертвовать свой рубль, серебряные латы времен Первой Республики, картины, столовое серебро... последние гробовые деньги несли в поддержку Народного фронта. Народ слился с интеллигенцией. И интеллигенция пошла в народ, на митинги. В Межапарке были митинги, у памятника Свободы, на набережной. Это поколение больше так не выйдет уже на митинги. Может быть, следующее поколение, может быть через одно, два, если что-нибудь рванет. А это поколение устало и разочаровалось.

Сергей Мазур:

Следующий вопрос – уточнение, я его вам задаю как писателю. В советское время были съезды писателей. А тут собирается еще и внеочередной Пленум Союза писателей. Один пленум, второй пленум, а в Латвийской республике в настоящее время происходят съезды писателей?

Марина Костенецкая:

Нет. Сейчас проходят писательские собрания. Это все настолько формально, что я давно уже не хожу и взносы не плачу. Скоро, наверное, отчислят. Мне неважно. Я помню слова булгаковского героя кота Бегемота, которого без писательских документов не пускали в литфондовый ресторан. Он спросил у швейцара: «А у Достоевского был членский билет литфонда?» Я тоже могу без членского билета обойтись, хотя Достоевским себя, конечно, не воображаю. Какие там съезды? Недавно попытались собрать интеллигенцию на зонтичную революцию, опять ту же Костенецкую нашли. И Костенецкая пошла, выступила. Перед выступлением мне намекнули, о чем надо бы сказать. Но тут я сразу отрезала: «Э-э-э, стоп. Я и в советское время никогда не выступала на заданную тему. Скажу то, что сама считаю нужным.» Главный тезис моего выступления был: долгой зашкаливающий цинизм в политике! И второй тезис: нация, которая не уважает своих детей и стариков, не имеет будущего. Ну что, постояли под зонтиками и разошлись. Это нельзя сравнить с той Песенной революцией. Лица совершенно другие. В первых, другое поколение, физически другое. Вторых, теперь уже и действующие политики от оппозиции выступали, не только творческая интеллигенция.

Сергей Мазур:

Если отстраниться от событий очень важных, связанных с Атмодой, и посмотреть на эти события глазами человека, который живет двадцать, тридцать, пятьдесят лет после этих событий, то на первый взгляд

тему, связанную с обществом, мог бы обсуждать Народный фронт или партийные съезды, а писатели – литературу, поэзию.

Марина Костенецкая:

Литература и есть двигатель прогресса. Писатель – это совесть нации, по большому счету. Скажу даже больше, этот пленум мы готовили примерно лет десять, не осознанно, конечно. Существовала в советское время под эгидой Союза писателей очень хорошая контора, сейчас такого нет – Бюро пропаганды литературы называлась контора. Чиновникам этого бюро государство платило зарплату. Что это было за бюро? У них был микроавтобус «Латвия», легковая машина. Любой колхоз в любой точке Латвии, любой Дом культуры, любой техникум или школа могли сделать заявку: наши колхозники (учащиеся, рабочие ...) изъявили желание встретиться с таким-то и таким-то писателем. Бюро пропаганды литературы выписывает писателю путевку, которую заказчик соответственно оплачивает через банк в бюро. Все учтено – гонорар писателю, налоги, машина, бензин, оплата шофера... Писатель садится в микроавтобус Бюро пропаганды и отбывает по указанному адресу на встречу с читателями. А уж в зале кто как с людьми общается: кто-то свои крамольные стихи читает, кто-то устраивает вечер вопросов и ответов. Непростых ответов на непростые вопросы. Случались, конечно, в аудитории и стукачи. Но мы это знали и пользовались эзоповым языком, который народ прекрасно понимал. Тогда у меня практически каждый день был выезд, каждую ночь я возвращалась с огромным букетом цветов. Почему именно я? Не потому, что по призванию *пылкая революционерка*, тогда о независимости никто и не помышлял! Но у меня была своя тема – детские дома, о которых в советское время тоже было запрещено говорить. И вдруг я открыла эту горькую Страну Детства – в Латвии, оказывается, есть детские дома, и они есть во всем Советском Союзе! Войны уже сколько лет нет, а детские дома есть. И оказывается живут там дети спившихся родителей, то есть не биологические, а социальные сироты. И об этом годами широким слоям общества ничего не было известно. Но и я, будучи русским писателем, могла об этом писать только в латышской прессе, потому что по-русски идеологические кураторы и цензоры Латвии и в Москве читали. Тираж газеты «Падомью Яунатне» подскочил многократно после того, как они стали печатать мои репортажи их детских домов. Потому что статьи рушили миф о том, что все советские дети самые счастливые в мире дети, то есть хотя бы в одной сфере писатель объявил войну той лжи, которой были заполнены страницы газет. На встречи в сельских клубах люди приносили игрушки, вязанные носочки и варежки для детдомовских детей. И одновременно задавала вопросы, почему мы так живем, почему были сосланы в Сибирь? То есть народ вопросы задавал разные, и это был живой разговор. Приехал ведь писатель, а не официальный лектор из Дома знаний, у писателя что хочешь, то и спрашивай. Вот она роль интеллигенции и ответ на ваш вопрос: должен ли писатель работать только за письменным столом? Писатель шел в народ. Если бы сейчас писатели так вот

пошли в народ, ой-ей-ей какая бы волна Атмоды поднялась! Но дважды нельзя войти в одну реку. Да и государство не стало бы уже содержать на свою голову Бюро пропаганды литературы – сейчас к любой встрече народа с писателями пристраиваются политические партии. Оплачивают транспортные расходы, обед. Ну, а кто платит, тот и музыку заказывает! Теперь это называется Праздник Книги. Активизируется *праздник*, как правило, в год выборов, а в зал на встречу с нужными писателями и оплачивающими их политиками добровольно-принудительно с возятся люди со всего района. Каждая библиотека должна обеспечить на встречу определенное число слушателей, за это ей, библиотеке, причитается сколько-то книг в подарок от политических партий...

Сергей Мазур:

Получается, что эта форма: съезды писателей, пленумы, она умерла?

Марина Костенецкая:

Практически да, умерла. Сейчас раз в год проходят отчетные собрания. Собрались, попили кофе, рассказали, у кого какая книга вышла, кто мою книгу спонсировал, куда я за границу съездил. Сейчас Союз писателей – это общественная организация, она сама себе должна зарабатывать на оплату коммунальных услуг того помещения, которое является как бы собственностью Союза писателей. Все имущество Союза писателей мы то ли продали, то ли отдали потомкам законных владельцев. Это касается и Дома Беньяминов в Риге, и Дома творчества писателей в Дубултах. Куда ушли деньги, не знаю. Ходили слухи, что все разворовали, – не знаю, не интересно это мне. Короче говоря, купили мы маленький домик в районе Тейки – и на том спасибо. Три четверти помещений этого *дворца* сдаем внаем, чтобы было чем оплатить коммунальные услуги и зарплату нескольким штатным работникам. Все. Потому что государство больше ничего не спонсирует. Тогда, в советское время государство спонсировало весь дом на Кришьяна Барона, 12, второй этаж – Союз писателей, полуподвал – поликлиника писательская, третий этаж – Союз художников и композиторов. Никто не думал, как платить за электричество и тепло, и еще там все секретари получали зарплату из государственного бюджета. Другое дело, что нас прикармливали для того, чтобы мы вели себя прилично. А мы вели себя неприлично. Это была бюджетная организация, а сейчас это общественная организация. Поэты есть, только нет уже былой востребованности в поэзии. Дни поэзии есть, а настоящих праздников поэзии нет. А ведь раньше поэты не только стихи читали, они и “за жизнь” с народом говорили. Пробуждение шло из литературы. Откуда Солженицын, а «Архипелаг Гулага» откуда? Его дело писать, он и написал. А мы прочли и стали думать иначе, чем до этого думали. Вот вам и работа писателя.

Другое дело, писатели, которые писали: «Слава, слава Брежневу, спасибо партии и правительству». Такие тоже были, и их было большинство. Время покажет, кто из писателей советского периода останется на книжных полках следующих поколений. Но это уже вопрос будущего.